

Новинка-диковинка

Диво — белый воробей; чудо, — высеки в решетке: дыр много, а выскочить некуда; чудо чудное, диво дивное, черная коровка, да белое молочко! — Но это всё чудеса буднишные, обношенные, пошлые, обветшалые; я вам сказку скажу про чудо невиданное, диво не слыханное, сказку новую как пуговку, модную как гнутые оглобли, затейливую как пудель в шароварах, что за комедиантом ходит; а сват Демьян да кума Соломонида, по присказке прикинут: — Русская рубаха без цветных ластовок не живет! Сказка моя не долга; сказуется скоро; стриженная девка косы заплести не успеет!

Не подбивайтесь под нашего брата, грамотеи велемудрые, соглядатаи, мытари, оценщики, браковщики, орехогрызы неутомимые! Гладки взятки с нас, как с козла, ни шерсти, ни молока! Не насупливайте бровей, как нагорелые свечи, не глядите на меня комом, глядите россыпью, не молвьте торопом, молвьте исподоволь! Не шумите, не учите все в один голос, у семи нянек дитя без глазу — а горланить хотите, ступайте по лесу облавою. — Скажете: долга сказка? Сват Демьян говорит: долга стена Китайская! Скажете: коротка? Короток воробьиный нос! Скажете: непригожа? Была пригожа, да вы же сглазили! А станете разбирать по своим приметам, причудам, поверьям — так он вам скажет: толкуй Фетинья Савишна про ботвинью давишню! Пришел не зван, поди же не гнан; не твоим пером писано, не твоей указкой склады перебирать; не стой надо мной, как чёрт над душой; мыль свою бороду, чеши свою голову, ходи в баню по Субботам — а когда есть нечего, не криви душой, поди под окно, я же подам и кума подаст, да и ступай домой, сказки моей не суди, не осуживай — я без долгов, ты бестолков — пеший конному не товарищ! Гряди с миром со своим клиром, я свою семью и сам прокормлю.

Чудны дела твои Господи! завопила кума Соломонида на поминках, которые по обычаю правили мы 40 дней по смерти одного Волжского 90-летнего казака, слывшего знахарем, так что в смертный час надлежало, по собственному завещанию его, отодрать три доски из потолка, над смертным одром его, иначе мучениям его не было бы конца; — чудны дела твои Господи, дивно потворствуешь врагу твоему, попускаешь замыслы его нечестивые! Сказать ли вам, мои кормилицы, отчего покойник Федосей стал знахарем? Накануне воробьиной ночи[2], продолжала она, утерши губы, собиралась, как и всегда в этот вечер, буря; еще всё было тихо; вдруг вихорь отколь ни возмись, поднял пыль и погнал ее по селу, по улице, столбом; закрутились,

завертелись былинки, как бесы тмы окрометной — и завыл ветер низовой и погнал густой столб против хода туч. Тут случись, родимые мои, соседней деревни, нашего приходу, не тем будь помянут, старик, и забыла как прозывался, упокой Господь душеньку его, прими земля косточки его, он уже лет тому 50 сослан, сказывают, не то казнен, случись он тут, на беду, и настрой мальчишку: беги, говорит, догоняй столб, это ведьма венчается, да кинь нож в самую середину, чтобы концем стал, как свайка, в землю! Малый что разумеет? детское дело глупое; сказано, сделано! Нож-эт подняли ребята, кончик в крови, а вихорь в ту ночь все до одной кровли в селе пораскрывал! Народ всполошился, за суд да за расправу; а мать ребенка того и докажи на старика: он-де нечистую силу прогневил, он научил, вечор, как ведьма венчалась, по ней ножом пустить! Старика того священник отрешил от святой трапезы, не допустил к причастию, наложил на него епитимию, а он, на другое лето, изомстил бабе за это: народ весь был в поле, он заберись к ней в избу, поднял под кутником[3], где она с мужем спала, половицу, да и схоронил туда этот нож окаянный. Никто о том и не ведал; а у бабы первая дочь родилась — ведьма! Сватья и кума и бабка видели, что ребенок с хвостом родился, а хвост настоящий мышиный, прости Господи согрешение мое! Когда же девка эта выросла, так ослепила наваждением парня, нашего кривого Луки деда, покойника Федосея, вот что схоронили о Петровках да ныне поминаем — услыши Господи молитвы наши грешные, не изрыгай земля праха его! — он то взял ее за себя, да и сам такому же добру от нее научился! Вот, отцы родимые, кормилицы мои, каким случаем покойник наш Федосей, не тем будь помянут, стал знахарем!

На покойника была правда не раз поклепа, за худые дела и прочие художества, подхватил кум Ивлич, да всё напраслина! Он, лет тому будет 60, благое дело сделал. Тогда у нас, старики помнят, был мор, и на людей и на скотину. Дед мой, не послушавшись ни старого, ни малого, а разума своего темного, мужичьего, вышел в поле на работу, в такой праздник святой, в который и птица гнезда не вьет — в самое Благовещение! С ним было батраков человек пятнадцать; вдруг над ними небо тучами затмилось и налетела, зашумела крыльями, чума. Дед сказывал, что сам ее видел: сама как утка, голова и хвост змеиные! Кто успел молитву сотворить, того Господь помиловал — кто нет — тут же душу отдал! Моровая язва эта хвост уронила здесь, а сама потянулась против солнышка — и до самого того места, где положила голову свою змеиную, и народ и скот, всё вымерло! Тогда наш старик, покойник Федосей, кривого Луки дед, зная всякое слово и от чего какое слово годится, и всякое зелье и снадобье, нашептывал под печью, над черепком, и нож тот, которым поранили ведьму под венцом, выкопал из подполья, понес ночью и

кинул на распутье, где прилегла моровая язва головою — и таким делом он избавил народ и скот от всякой дальней гибели и от порчи!

В те поры, подхватил сват Демьян, сказывали, что чума ходит ночью; бабы ведьму подслушали под забором, да и сказали мне, что очередь пришла моей избе. Я зажег елей под кивотом, сам лег на прилавку, да положил подле боку топор и шашку. Около полуночи поднялся вихорь, и вдруг дверь сама отперлась! Я тихомолком за топор: глядь — топор без топорща! а я накануне насадил его сам, да еще и на кленовое, суковатое! Погоди, подумал я, меня, старого воробья, и на мякине не проведешь! Я ухватил шашку — а шашкой этой Запорожской казак, в семисотых годах, тридцати-трем некрещеным Туркам головы рубил! Рябая собака, сука, выла, выла под окном, да вдруг и вбежала в избу. Я топор в ноги ей, она на него загляделась, а я как свисну, с прилавки, по ней шашкою, так переднюю лапу ей и отрубил, как кочерыжку! На другой день, на краю села, вытащили старуху из-за печи: одна рука отрублена!

Все крестились от ужаса, и никому не пришло на ум сказать свату Демьяну то, что я ему молвил на ухо: плут ты плут, сват, где врани и ты тут! Ври, не завирайся, а назад оглядывайся — ври сегодня, покидай и на завтра! Когда дед кума Ивлича согрешил неуместным трудолюбием своим, а покойный знахарь Федосей чуму уморил, тогда отец твой еще кроме соска еды не знал; а уж ты круто и лихо с ведьмами рубился! Молодец! Но мы с ним смигнулись, и я его не выдам! Рука руку моет.

В те поры, примолвил слепой старик на полатах, стращали народ, что свету конец, и скоро преставление будет; — да Господь помиловал!

Не ведает народ, о чём толкует, отпусти им Господи грехи их, сказал староверческого монастыря отшельник, который попал на тризну нашу, как кот под лавку: он мимоходом слышал дух постного стола нашего, стерляжей ушицы! А придет скоро время, продолжал он — будет мор, голод, война; будут младенцы сосать груди матерей своих, трупов; — будет народ лыки жевать, вместо хлеба насущного, пойдут все Цари Христианские, все земли крещеные, войною на неверных, будут воевать Царь-град и Иерусалим, Иерусалим бо есть пуп земли, и возьмут его и заспорят между собою зело, кто своим войском завоевал святую землю и кому надлежит честь и слава, и завраждуют вельми между собою. Тогда явится сущий Антихрист, ожидаемый Евреями пророк, вызовется Царей Христианских мирить и будет показывать лживые чудеса: Евреи первые ему поклонятся; потом все иноверцы, один по одному, и будет он класть им клейма, на чело и на рамо[4] десное — этим будет и хорошо и привольно и сытно; а прочим будет худо, будут терпеть нужду и голод

необычайные, будут терпеть всякие поругания, будет их Антихрист мучить и истязать. Последние, верные своему служению, пребудут Староверы, непокорные, строптивые, твердо верующие. Антихрист будет их сгонять всех в ямы, засыпать соломою, жечь и допрашивать: Обращаются ли они? Кто эту пытку перенесет, будет свят, как угодник Мир-Ликийских[5]. Теперь низойдут на землю Илья Пророк и Иоанн Златоуст, взятые заживо на небо, которых Господь пасет на этот час, ибо им, как живым, надлежит возвратиться еще на землю, — и будут они изобличать Антихриста в неправде, в изуверстве, в самозванстве, в беззаконии; изобличив его в три дня, отрубят ему голову; кровь его прольется в три ручья на землю, земля от нее займется, загорится, будет гореть, гореть, покуда не выгорит вся, со всеми творениями, созданиями, былиями и каменными горами — и свету конец! Вот нас, Староверов, что ожидает! примолвил он со вздохом глубоким. А праведным останется тот только из нас, кто вытерпит все муки и пытки и пребудет верен и непоколебим!

Так ты одним Староверам сулишь вечного блажества? спросил мой Демьян; нехорошо, отец, делаешь; учись у нас: мы, на Волге, стерляжей ущицей всякого кормим; и православных, и вашего брата, случается и Татарин Астраханский табун на ярмарку Коренную[6] гонит, да забредет, и Немец, Сарептянин[7], приворачивает — Волга широкая река, Волга разгульная река — это гостиница Господня — орошает, без одной, десять губерний Русских, стоит на ней 40 городов, а селам, деревням, так и счету не дашь — всех поит, всех кормит! Преставление света твое, отец, не чудо; ныне это и малой и великой знает, что рано ль, поздно ль, а этого не миновать — диво белый воробей, чудеса в решете, дыр много, а выскочить некуда; чудо чудом, диво дивом, черная коровка, да белое молочко; да и это всё чудеса буднишные обношенные, пошлые-обветшалые; я вам сказку скажу про новинку-диговинку, про неслыханное чудо, невиданное диво, сказку, новую как пуговку, модную, как гнутые оглобли, затейливую, как шавка в шароварах, что за комедиантом ходит! — Да уговор дороже денег — кто сказку мою перебьет, за тем считаю пятак; кто усомнится в истине неслыханного чуда, невиданного дива, да не поверит сказке моей, за тем два! Слушайте!

В некотором царстве, за тридевять земель в Загишпанском государстве, жил, проживал и обретался купец, по имени Макафлор. Он был богат златом заморским и серебром, как Донской казак после поживы; тороват, как блаженные памяти Царица, и красовались чертоги его шпалерами[8] золочеными, сводами расписными, картинами живописными в маховую сажень, и утварью лучшего изделия заморского, как в Москве хоромы Пашкова[9] — словом, чего хочешь, того просишь, разве только одного

птичьего молока не доставало! Но честной господин, купец Макафлор, встосковался однажды, на одиночество свое глядя, и подумал про себя так: соседи мои женятся, соседи рождаются, соседи умирают — один я, как Сивка-бурка вечная каурка, живу, живу, а легче нет! Родиться дважды нельзя в нашем царстве, умирать — не охота, дай оженюсь! И не медля ни мало заслал он свах зазорных, Камиллу Киргизовну, Степохлесту Перехватовну, да еще третью, такую же, к одному чужеземному гостю, у которого с прошедшей весны расцвела и славилась красотой дочь, по имени Макарона; а как отца её, онаго гостя, звали Перероем, то у нас бы и совесть не зазрела называть прекрасную невесту, что ныне в супругах, Макароною Перероевною; но как в тех весьма отдаленных, от нас западных Загишпанских странах, благого обычая такого, по неведению, не держались, то — кума Соломонида всплеснула руками и ахнула от ужаса! Не называть детей по отцу! И подлинно это неслыханное святотатство! Но сват Демьян утешил и успокоил ее, повторив, что сие делалось у них по неведению, — прости им Господи согрешения их, не ведают бо, что творят, сказал инок — и упокой душеньку их, примолвила Соломонида, и прими земля косточки их — то и называли ее запросто Макароною, закончил наконец сват Демьян. Отец прекрасной этой девицы, иноземный гость Перерой, держал свахам купца Макафлора такой ответ: Милостивые Государыни мои! Хотя действительно честной купец Макафлор во всех отношениях достоин быть руками дочери моей возлюбленной, прекрасной девицы Макароны и пора пришла приискывать ей жениха, а мне зятя, но как она объявила, что следуя внушению одного пророческого сна, не иначе пойдет за мужчину, как если он обяжется доставить ей новинку и диковинку, до которых она искони страстная охотница, то и предстоит ныне честному и достопочтенному искателю её, разрешить сие затруднение; тогда я с своей стороны дам немедленно отцовское благословение свое и приглашу гостей честным пирком да на свадьбу!

Макафлор такому ответу весьма изумился. Он по ночам не едал, по дням не спал, всё только думал да угадывал, какою новинкою-диковинкою ему бы услужить будущей нареченной своей? Тогда подошел к нему верный спутник его на море и на суше, в торговых оборотах, в делах и в бедах, Мирошка дурачок, и, начав жалобно выть собакою, объявил вознегодовавшему на то купцу решительно, что перестанет выть собакою не прежде, как когда узнает причину горести его. Макафлор наконец рассмеялся и поделился с ним кручиною своею. Твои бабы, сказал тогда Мирошка дурачок, воду пьют, в воде полощатся — это гуси; пошли меня на сватовство, хозяин, я тебе невесту Перероевну высватаю, что собака куцему зайцу хвоста оборвать не успеет! И когда хозяин дал на то согласие свое, и Мирошка дурачок, объявив, что

принес залог на новинку-диковинку, был допущен к прекрасной девице Макароне, то, подав ей кольцо обручальное от имени хозяина своего, принял он слово и рек так: Многопрекрасная и всепобедоносная девица Макарона, дочь всюдуславного и златосиятельного негоцианта Перероя! Будущая повелительница наша! Не гневайся на меня пресмыкающегося, дерзнувшего вознести зеницы очей своих на тебя — глядит бо и кот на Царя — а я пришел к тебе с делом немаловажным: я принес тебе верный залог для получения от хозяина моего, а твоего нареченного, новинки и диковинки, до которых ты столь лакома; если примешь залог сей, то новинка и диковинка твоих рук не минуют; ибо новинка будет заключаться для тебя в новом супружеском сане твоём, а диковинкою будет то, что вам Господь пошлет живых ребятишек по подобию и образу своему и твоему и отца-супруга созданных; разве это не диковинка? Вот истинное значение пророческого сна твоего, коего тёмный и глубокий смысл оставался для тебя недоступным!

Это понравилось девице Макароне чрезвычайно, не прошло недели, как песенники, балалайка, бубны и рожок гремели целую ночь напролет во дворе иноземного гостя Перероя; это была свадьба дочери его Макароны с купцом Макафлором. — Но время не ждет ни пьяного, ни горбатого, не длит часов радости и веселия, не сокращает годин напасти и горести. Осень и зима пролетели, настает весна, и молодым нашим пора расставаться, купцу Макафлору пора грузить корабли и отправляться за море. И кто это выдумал, пропадай он, чтобы молодым супругам весной расставаться! Весной, когда трава как мошок[10] пробивается, жаворонки и ласточки слетаются и ветютни[11] воркуют!

Нагрузив корабль богатыми товарами, спросил Макафлор супругу свою, прекрасную Макарону, что она прикажет привезти себе из-за моря, какого гостинца желает? У нас, отвечала она, благодаря Подателя, всего вдоволь и по уши, и никаким гостинцем не можешь ты мне угодить, как только если потешишь старую прихоть мою, которую имела я еще, когда была в девках; я охотница до новинок и диковинок, привези ты мне, муженек мой сокол, из-за моря, новинку-диковинку, невиданное чудо, неслыханное диво! Супруг поцеловал ее в чело высокое, в уста сахарные и в перси белоснежные, и приказал ей пребыть ему верной; а сам сел на корабль свой и пустился в бурливое море. Не нам за ним дни и часы считать, не нам по морю путь его, колею зыбкую, измерять — ее давным давно волнами смыло и загладило; довольно того, что прибыв в город небывалый, а в сказке именуемый неведомым, не узнал на деле того, что наклад с барышом, как купцы говорят, двор обо двор стоят и на одних санях ездят, ибо распродал весь товар свой весьма с великою выгодною, нагрузил снова корабль свой разным товаром

заморским, и стал доискиваться теперь невиданного чуда, неслыханного дива, в гостинец супруги своей. Это, правда, стоит того, что поймать месяц за рога! Но как показаться на глаза возлюбленной супруге своей, прекрасной Макароне, без гостинца? Но Мирошка дурак опять выкупил его. Прогуливаясь по городу, подошел он однажды к толпе народа, стоявшей около вновь отстроенного храма с колокольнею неимоверной вышины. Один из толпы сказал: Куда, терем-эт, хитро сгорожен! Не то, хитро сгорожен, подхватил другой, да как крест вколочен? Как вколочен? — спросил Мирошка дурак — а нагнули, да и воткнули! У народа, как где в кучу собьется, горло хоть и одно, да преширокое; заревет, так ревма; захохочет, так бока надсадит; полюбил народ Мирошку дурака за глупые толки его, и выискался какой-то проказник, пролаз, что спознался и побратался с ним и повел его в харчевню для корабельщиков иностранных, по обычаю земли той, на общий счет гулять. Здесь Мирошка дурачок, и кто живой с ним был, подгуляли и давай всяк своим добром хвалишься. У меня, сказал молодой мещанин, охорашиваясь, молодая, пригожая и верная жена есть! Это что за диво, примолвил Мирошка, и мы с барином покинули дома такую же! У меня, сказал другой, птица есть, что весь божий день разговаривает, со всеми болтает, без умолку без отдыху! — У нас их до чёрта, отвечал Мирошка, только вся и разница, что твоя в перьях ходит, а наши в юбках! — У меня, сказал какой-то третий пройдоха, есть вещь удивительная: невиданное диво, неслыханное чудо! Держи ухо остро, подумал Мирошка, нашей тони севрюга плывет! — Видите ль, ребята, гуся на дворе? продолжал рассказчик. — Видим. — Гусь, поди сюда. Гусь пришел. — Гусь, ложись на сковороду! — Гусь лег. — Тогда он поставил сковороду с гусем в печь, и, зажарив его, подал на стол и просил всех гостей поест с ним жареного гуся, но костей не кидать, по нашему, под стол, а складывать в кучу на столе. И когда они того гуся съели до косточек, то незнакомец, собрав кости, завернул их в скатерть, бросил на пол и молвил: гусь, встряхнись, и поди на двор! Гусь встряхнулся и пошел! — Подлинно, что это новинка и диковинка, чудо невиданное, диво неслыханное! — сказал Макафлор. Не велика штука, да мотовата, подхватил Мирошка — и кто живой с ним был, единогласно подтвердили тоже. Макафлор приторговал и купил за великие деньги того гуся, прибыл благополучно на родину свою, облобызал жену, прекрасную Макарону, и представил ей гостинец. Она радовалась бесконечно возвращению любимца души своей и супруга, рассказывала, как просиживала, в отсутствии его, ночи, и горько плакала по нём, а теперь тешилась несказанно подарком и гостинцем сожителя своего. В один день, когда купец Макафлор пошел, по обыкновению своему, ходить по делам и торговым оборотам, находился у жены его один молодой и прекрасный, той страны, из рядов сиделец[12], навещавший иногда подругу юности своей, прекрасную

Макаرونу, охотницу до новинок и диковинок. Она вздумала поподчивать его между прочим новопривезенным заморским жарким и позвала гуся со двора в избу. Гусь пришел. Гусь, ложись на сковороду! но гусь не слушался её и не ложился на сковороду, а гагакал во всё гусиное горло. Тогда купчиха Макарона, рассердясь, ударила его сковородником и увидела — чудо невиданное, диво неслыханное! Сковородник пристал одним концем к гусю, а другим к купчихе, и она не могла оторвать руки. В испуге позвала она на помощь гостя своего, но — беда не по лесу ходит, а по людям; беда никогда не живет одна, а беда беду накликает, как крикуша уток — и гость, как ухватился только за сковородник, прильнул к нему как клещ за уши; все усилия их, все попытки были тщетны, и гусь, это осьмое чудо, привел чету, прекрасную Макаرونу и сидельца её милого дружка, на сковороднике, как пару гончих на своре, к хозяину, купцу Макафлору! Приказчики, бросившиеся разнимать колодников, все также прильнули к сковороднику, как приросли, и свалка началась бы преужасная, если бы сам купец не подоспел, и, разняв их, не послал бы послушного гуся домой. Теперь увидел честной купец Макафлор новинку-диковинку любимую жены своей, а она, когда муж взял ее в руки и стал учить да проучивать порядком, не раз слыхивала от него слова: вот тебе невиданное чудо, неслыханное диво! которые он всегда при этом случае приговаривал.

А я, Демьян, да сват мой Луганской, из-за тридевять земель в Загишпанское государство глядя, смекнули так: У кого новинка-диковинка есть доморощенная, тот за чудесами заморскими не гоняйся; считай звезды, а гляди в ноги, да води усами во все четыре стороны; не тот писарь, что хорошо пишет, а тот, что хорошо подчищает! — Жене верь покуда подле боку, жена без мужа и вдовы хуже, а за море поехал, так домашнее прогулял и поминай как звали!

Это сказано для честного господина купца Макафлора; а о купчихе скажем, что она, без новой новинки-диковинки века не проживет. Женской стыд — до порога; переступила, так и забыла! Вора хоть золотом засыпь, так ему некраденый кусок приестся скоро; поваженный, что наряженный — красна пава перьями, а добрая жена мужем; красна девка до замужества, а женился — глядь — как на льду обломился! Жена не лапоть, обносивши не скинешь, либо гляди сам глазами, либо свах засылай порасторопнее, посметливее, понадежнее Мирошки! жаль кулака, а ударить было дурака, за то, что высватал невпопад невесту Перероевну! Он всему причиной, Мирошка дурак, да и дело в шляпе!

Вот вам и сказка про новинку-диковинку, чудо невиданное, диво неслыханное! Сказка новая как пуговка, модная как гнутые оглобли, затейливая, как шавка

в шароварах! Что твое преставление света, отец, что ваши ведьмы и домовые! Подноси-ка, кум Ивлич, подноси, за упокой Федосея, вишь кума Соломонида боится, чтобы не встал! Подноси еще, Ивлич, знай подноси — так уж, встанет ли, нет ли Федосей покойник, а мы с тобою — вряд ли встанем!